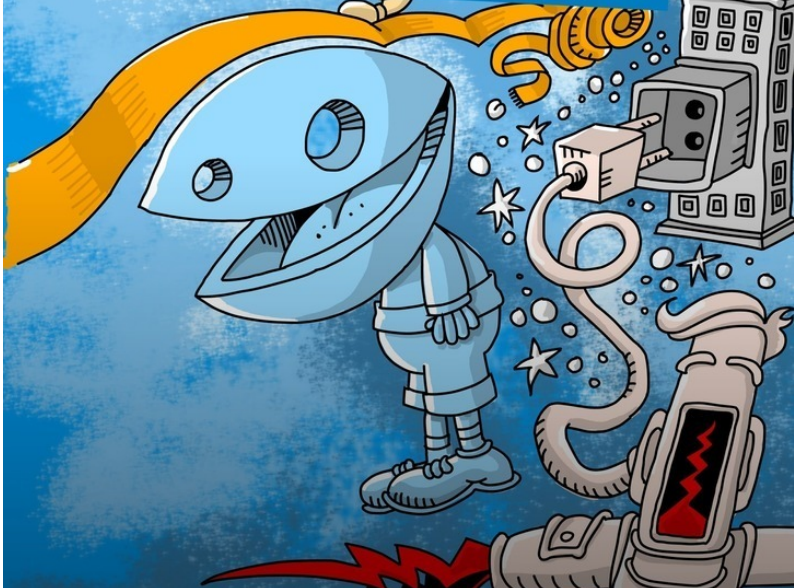

Ольга Скляренко

ЖИЛИ—БЫЛИ
СКАЗКИ...

Ольга Скляренко

Жили-были сказки...

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=33168969

ISBN 9785449079732

Аннотация

Грань между нашим миром и миром сказок очень тонка. Иногда она рвется, и тогда сказка тихо проникает в наш мир, смешиваясь с привычным и рождая на свет прекрасных чудовищ или чудовищных красавиц...Итак, жили-были сказки...

Содержание

Рукописи не горят	5
Последнее дело	9
Экзамен	13
Тренинг	16
Тихоня	21
Неправильная сказка	23
Конец ознакомительного фрагмента.	25

Жили-были сказки...

Ольга Скляренко

© Ольга Скляренко, 2018

ISBN 978-5-4490-7973-2

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

Рукописи не горят

Петр Афанасьевич писал книгу. Он усердно трудился над ней всю жизнь, лелеял каждую фразу, заботливо перечитывал каждый абзац, тщательно исправлял, корректировал, снова исправлял и как-то за всем этим делом не заметил, как умер.

Странно, подумал Петр Афанасьевич, вот я умер и что теперь?

Не успел он так подумать, как в комнате материализовались два человека, один в темном двубортном костюме, а второй в белых шортах и гавайской рубашке. То есть по факту, конечно, никакими людьми они не были, но нужно же было их как-то, пусть даже в мыслях, называть.

Ангел и черт? – подумал Петр Афанасьевич.

– Совершенно верно! – словно прочитав его мысли, белозубо улыбнулся тот, который в гавайской рубашке, – разрешите откланяться, я – Сигизмунд Аристархович, а это, – «гаваец» почтительно кивнул в сторону темного, – Серафим Модестович.

Серафим Модестович слегка нахмурился, вздохнул и открыл толстую черную папку.

– Итак, Петр Афанасьевич, приступим к подсчету грехов...

– Э, Сима, погоди, не торопись, что ж ты так сразу и про

грехи, – засуетился «гаваец» и, понизив голос, жарко зашептал, – Сима, мы ж договаривались, ты что ж творишь-то, Сима, нельзя так, без подготовки. . .

Петр Афанасьевич испуганно переводил взгляд с «гавайца» на того, другого, в темном костюме, и обратно.

– Это что же, – охнул он вдруг, – что же мне теперь, в ад?

– Ну, – замылся «гаваец», – так-то, конечно, да, в ад.

Но понимаете. . .

«Гаваец» горестно вплеснул руками:

– Никак вам не получается к нам в ад. У нас в аду сейчас – адское перенаселение. Мы и так уж всех уплотняем-уплотняем, но, сами понимаете, ад-то не резиновый.

– Не резиновый, понимаю, – машинально повторил Петр Афанасьевич и перевел взгляд на того, который в костюме.

Который в костюме кашлянул и нервно захлопнул папку.

– А к нам в рай критерии отбора строгие, – вздохнул он, – вы по баллам не добираете. И к тому же, вы – писатель.

Петр Афанасьевич нервно хлопнул глазами.

– Хотя, строго говоря, – продолжил тот, что в костюме, – вы ведь не публиковались. Так ведь?

– Не, не публиковался, – проямлил Петр Афанасьевич.

– И в соцсетях свой роман не выкладывали?

Петр Афанасьевич замотал головой.

– И друзей и родственников своим романом не муча. . .

Не читали им свой роман?

– Не мучал и не читал, – честно подтвердил Петр Афана-

сьевич.

– Вот видишь, Сима, – встрял «гаваец», – он не мучил.

– М-да, дилемма, – пробормотал тот, что в костюме, – и как же нам теперь с вами быть-то?

– А может дадим Петру Афанасьевичу шанс? – воодушевился «гаваец», – пусть он понеприкаивается немножко, а, Сима?

– Как это, понеприкаивается? – не понял Петр Афанасьевич.

– Ну, неприкаянным побудете лет так триста, – пояснил «гаваец».

– Не меньше пятисот, – отрезал тот, который в костюме.

– Сима, – укоризненно покачал головой «гаваец», но, наткнувшись на непреклонный взгляд товарища, поспешно затряс головой, – пятьсот, так пятьсот, как скажешь.

– А что мне делать-то? – Петр Афанасьевич испуганно сжался. Его руки тряслись, а ногой он безуспешно пытался нащупать клетчатый тапок.

– Являться, – засмеялся «гаваец», – писателям, поэтам и прочим графоманам. Во сне и наяву. Можете рукопись им свою читать.

С этими словами «гаваец» сунул в руки Петру Афанасьевичу рукопись, и оба, и «гаваец», и этот второй, в костюме, растворились в воздухе.

С тех самых пор, бродит по свету неприкаянный Петр

Афанасьевич, в пижаме и одном клетчатом тапке, и всем читает свою бессмертную рукопись.

Последнее дело

Серого я узнал сразу же, как только вошел в вагон электрички. На нем красовался потертый намордник, а шею украшал строгий ошейник шипами наружу. От ошейника тянулся толстый ремень поводка, который заканчивался в крепко сжимавшей его маленькой ручке тощенькой невзрачной девчущки. Девчонке было на вид лет двенадцать-тринадцать. Красный берет, две аккуратные темные косицы, веселенький рюкзачок, то ли с мишками, то ли с котятами – ни дать, ни взять отличница, едет на каникулы проведать больную бабушку.

Я плюхнулся на сиденье напротив.

– Классная у тебя собака.

Девчонка равнодушно поджала плечами.

– Как зовут?

– Бобик.

Я видел, Серый аж передернулся, а я наклонил голову и закашлялся, стараясь изо всех сил подавить смех. Да, в чувстве юмора ей не откажешь.

– И давно она у тебя? – прокашлявшись, продолжил я.

– Давно, – буркнула девчонка.

– Аааа.

Разговор, явно, не клеился.

– Слушай, а как тебя звать? Меня вот Иван, – представил-

ся я, – Иван Семенович.

– Мне мама не велела с незнакомыми разговаривать, – сквозь зубы процедила девочка и отвернулась к окну.

– Да, ладно, – притворно небрежно заметил я, – с такой собакой можно никого не бояться.

Серый, подыгрывая мне, глухо зарычал.

– Ты куда едешь, к бабушке, небось?

– Да, к бабушке, к больной бабушке – медленно растягивая слова, сказала девчонка, и ее широкий рот расплылся в зловещей улыбке. Не то, чтобы я испугался, но, скажу прямо, от этой улыбки мне стало как-то не по себе.

Девочка снова отвернулась, давая понять, что разговор окончен. Я украдкой оглянулся. Вагон был практически пустой, если не считать старичка, дремавшего в середине вагона, и высокой дамочки в очках, уткнувшейся в книжку. Этих можно в расчет не брать – дед спит, а дамочка из тех, кто живет в мире розовых пони и цветных радуг. Я незаметно вынул из кармана прялку, резко нагнулся к девчонке и уколол ее в тыльную сторону ладони. Взгляд девчонки невидяще застыл, потом веки медленно закрылись, а головка склонилась на одно плечо так, что красный берет чуть-чуть съехал на бок. Через минуту передо мной была просто мирно спящая девочка.

Я быстро снял с Серого намордник. Тот благодарно взглянул на меня и широко, в голос зевнул.

Электричка приближалась к станции. Я аккуратно взял

девочку на руки и направился к выходу.

Ираида Максимовна ждала нас на станции, как и было условлено.

– Все нормально? – спросила она и после моего утвердительного кивка коротко приказала, – давай сюда прялку, а Снежанку положи в машину, на заднее сиденье.

Я сделал, как велено. Ираида Максимовна заглянула в салон машины и нежно поправила головку девочки. Поймав мой удивленный взгляд, она вздохнула.

– Да знаю, знаю я, что ты там себе думаешь, – Ираида Максимовна тихонько захлопнула дверцу, – да только она мне внучка все-таки. Родная кровь, как ни крути. А потом... – она взмахнула рукой, – молодо-зелено, хотят все и сразу, думают, скормят бабку старую волку, все наследство им достанется. Нет бы подождать чуток, я ведь не вечная. Ну ничего... вот поспит лет сто, а потом мы ее пристроим, мало ли дураков-то на свете шатается.

Ираида Максимовна обернулась и посмотрела сначала на Серого, а потом на меня.

– Ну, Ванюша, может с нами поедете, а? Я тебя в баньке попарю, – тонкие губы Ираиды Максимовны зазмеились в улыбке, один в один, как у внучки.

Я почувствовал, как напрягся под рукой Серый.

– Нет, – покачал я головой, – некогда нам в баньках париться.

Ираида Максимовна покачала головой, достала кошелек, быстро отсчитала оговоренное количество купюр и молча сунула мне в руки. Я не стал пересчитывать, знал – старая ведьма не обманет.

До электрички оставалось несколько минут. Я курил, а Серый, благодатно вытянувший затекшие лапы, блаженно растянулся на мокром асфальте.

Телефон звякнул смс-кой. Я прочитал и нахмурился.

– Слушай, Серый, тут такое дело.

Серый вопросительно приподнял голову.

– Тут клиент звонит. Предложение у него... Да, помню, помню я, что обещал завязать... но тут дельце-то пустяковое, молодильные яблоки достать. Да и клиент проверенный, депутат Берендеев. Ну, Серый, не сердись. Быстро сгоняем туда-обратно, а потом махнем куда-нибудь на море или в Монте-Карло.

Серый притворно вздохнул. Я потушил сигарету и потрепал его по загривку. К станции шумно приближалась электричка.

Экзамен

– Пиво будешь? – спросил я.

Он молча кивнул. Я налил ему светлого, он всегда предпочитал светлое. Он сделал шумный глоток и невидяще уставился в экран телевизора.

– Выключи, – тихо попросил он.

Я послушно щелкнул пультом. Экран екнул на полуслове и погас.

У него, явно, что-то случилось, тут и к гадалке не ходи. Я знал его уже добрую сотню лет, и он всегда был для меня, как открытая книга. Мы дружили с детства, и нашей дружбе не помешало даже то, что после школы мы поступили на разные факультеты университета при Небесной Канцелярии, он – на факультет ангелов, что закономерно, а я – на факультет бесов, что в общем-то тоже закономерно.

– Чипсы?

Он снова молча кивнул. Я придвинул к нему пакетик лэйс с зеленым луком.

– Ну? – я отхлебнул пива. Темного. Я всегда предпочитал темное.

– Я сессию завалил.

Ну и ну. Я тихонько присвистнул. Из нас двоих раздолбаем всегда был я. А он – отличник, звезда факультета, светлая голова.

– Представляешь, и экзамен-то был пустяковый, – продолжил он, – я курировал девушку одну, Марфушеньку, ну знаешь, предмет у нас такой есть, ангельское шефство.

Я кивнул.

– И все ведь шло хорошо. В доме достаток, родители любят, ничего для доченьки не жалеют, ну и я, само собой, стараюсь, Марфушу берегу, ангельским крылом прикрываю. Марфуша еще не оступилась, а я уже соломки постелил. В общем, все по учебнику.

Он замолчал и закинул себе в рот горсть хрустящих чипсов.

– И тут, представляешь, у ее сестрицы сводной, Настеньки, у которой не жизнь, а адский треш, вдруг поперло. Подвернулся какой-то Морозко, и сразу и слава, и бабло, и жехники. Ну и моей Марфуше захотелось. Я, конечно, постарался. Снарядил ее к Морозке, как положено, ну чтоб и шубка теплая, и в термосе чаек горячий, и самооценку Марфуше приподнял, чтоб она, понимаешь, перед Морозком этим не оплошала, и...

Тут он махнул рукой, отвернулся и глухо сказал:

– А все эта чертова Настенька...

Я молча крошил чипсы. Настенька была моим экзаменом. Честно говоря, очень легким экзаменом – заключение с человеческим индивидуумом договора о продаже его бессмертной души. Человек тебе душу, а ты ему любовь, бабло и прочие ништяки. Классическая многоходовка Фауста-Ме-

фистофеля. Такой экзамен из наших никто не заваливает.
Почти никто. И почти никогда.

Тренинг

– Привет! Как дела?

– Привет, все нормално, – пробормотала Галя, безуспешно пытаюсь проглотить кусок шоколадного торта.

– Галя! Ты что там, опять жрешь? – строго сказала трубка голосом Петровой.

– Неет, не жву, – вяло попыталась оправдаться Галя.

– Галя, не ври мне!

– Я не вву, – Галя облизала стекающий по пальцам крем и виновато улыбнулась, – я яблоко ем.

– Галя, – в голосе Петровой отчетливо слышались стальные нотки комиссара НКВД, – Галя, какое яблоко? Ты, когда вообще в последний раз яблоко ела?

Позавчера, хотела сказать Галя, в яблочном штруделе, с изюмом, корицей и молотыми орехами, но промолчала.

– Галя? Ты еще тут? – строго поинтересовалась трубка.

– Угу, – угукнула Галя.

– Это хорошо, – Петрова на другом конце удовлетворенно вздохнула, – Галя, я как раз по этому поводу тебе и звоню. Нам что-то надо делать с твоими килограммами.

– Не нам, а вам, – хихикнула Галя.

– Нет, вот именно, что вам, в смысле тебе, – в трубке что-то возмущенно затрещало и захрипело.

Галя воспользовалась паузой и откусила очередной кусок

торта. С вишенкой.

– Галя, – сурово возвестила Петрова, прокашлявшись, – во дворце культуры в субботу проходит тренинг «Я вас всех худеть заставлю». Очень эффективный, Галя. Приглашаются все желающие. Но, разумеется, это недешево.

Петрова выдержала многозначительную паузу.

– Зато эффективно. Ты помнишь Кобылякину?

Галя не помнила, поэтому ограничилась нейтральным «Ммм».

– Так вот, Кобылякина после такого тренинга похудела на 46 килограмм! Галя, ты хочешь похудеть на 46 килограмм?

– Ммм, – невнятно промычала Галя.

Петрова, посчитав ответ утвердительным, радостно хохотнула в трубку.

– Замечательно, Галя. Так что, бери в руки свой толстый зад и дуй на тренинг. И деньги, деньги не забудь!

В зале дворца культуры было мрачно и сыро. Галя зябко поежилась. Рядом с ней удобно расположилась эдакая настоящая кустодиевская красавица – румяная, чернобровая, толстая русая коса уютной змеей пригрелась на шикарной необъятной груди.

– Чо, подруга, тоже пришла жир сгонять? – соседка весело ткнула Галю в бок мягким локтем и хохотнула, отчего ее необъятная грудь плавно заколыхалось.

Как фруктовый пудинг, подумала Галя и сглотнула слюну.
– Молчайт!

Галя вздрогнула и инстинктивно перевела взгляд на сцену. На сцене стояла женщина в узких черных кожаных брюках и черном топе. Все в ней было острым и угловатым: высокие острые скулы, острый крючковатый нос, острые локти и коленки, острые ключицы и острый костлявый зад, сексуально оттопыренный. В когтистых руках, украшенных кроваво-алым маникюром, поблескивала железная указка. Галя невольно поежилась.

– Молчайт! – снова взвизгнула инструкторша, – всем молчайт! Слушайте сюда! Вы фсе – жирный свинья. Я буду изгоняйт фаш жир!

Инструкторша звонко рассекла указкой воздух.

Спустя два часа ошеломленная Галя вместе с другими притихшими женщинами выходила из зала. Пот струился по спине и прохладным ручейком затекал в трусы.

Прошло три дня. При виде еды Галю мутило, но при этом отчаянно хотелось есть. Галя ревела, выбрасывая в помойку свои любимые марципановые пирожные и заварные эклеры, политые шоколадом. Хотелось убить Петрову. Петрова предусмотрительно не звонила.

Вес стремительно уходил. Вместе с ним уходила и радость жизни. Галя ненавидела соседей и сослуживцев. Жрут как

свиньи, с отвращением думала она, сдохните скоро от ожирения, твари.

Через два месяца Галю пригласил в кино коллега по работе Паша Бубликов.

Кино плавно переросло в ужин, ужин – в ночь, а потом еще и еще раз, а через несколько дней все прекратилось.

– Понимаешь, – не глядя Гале в глаза бормотал Бубликов, – ты, конечно, вся ничего такая из себя. Красивая и все такое, но, понимаешь, ты на меня так смотришь, словно съесть хочешь.

Паша поежился. Галя облизнулась. Ей, действительно, хотелось его съесть.

В конце весны Гале пришло письмо, официальное, заказное, на толстой мелованной бумаге со штампом центра «Я вас всех худеть заставлю». Галю приглашали на торжественное подведение итогов тренинга.

Сцена дворца культуры на этот раз была украшена разноцветными шариками. Инструкторша, в длинном черном платье, хищно улыбалась ярко алым ртом.

– Эээ, подружка, хорошо выглядишь.

В Галин бок резко уткнулся чей-то костлявый локоть. Галя недоумевающе уставилась на длинное тощее создание, с ярко очерченными скулами и томными глазами. Огромная коса, перекинута через плечо, мягко закрывало то место,

где некогда была грудь. Кустодиевская красавица, мелькнуло у Гали в мозгу.

– Я слышала, тем, кто успешно прошел тренинг, будут призы давать, а некоторым и работу предложат, – заговорщически подмигнула кустодиевская красавица Гале.

Кустодиевской красавице в качестве приза досталось ступа. Кому-то метла. Кому-то костяной гребень. Две или три получили блюда с яблочком, четверем выдали по черному коту.

А Гале предложили работу. В пряничном домике. С марципановой крылечком, подумала Галя и сладко улыбнулась.

Тихоня

Она была из тех людей, которых никто не замечает.

Сначала просто тихой и послушной девочкой, удобной для учителей и родителей, потом, как-то быстро миновав стадию девушки, превратилась в женщину неопределенных лет.

Она работала в конторе с труднопроизносимым названием, у нее был свой уголок, где она целыми днями тихонько шуршала бумажками, заполняла желтовато-серые бланки, вписывала длинные ряды цифр в пыльные журналы.

Ее не замечали, забывали пригласить на традиционные чаепития по случаю чьего-нибудь дня рождения или Нового года. И если кто-то в самый разгар вдруг о ней вспоминал «ой, неудобно-то как получилось», то мысль эта тут же ускользала, не успев окрепнуть и сформироваться, переплетаясь с линиями мирозданиями, и человек лишь недоуменно пожимал плечами и слегка тряс головой, как будто пытаясь избавиться от чего досадливого и невысказанного.

А потом она незаметно состарилась, ее тихо проводили на пенсию и забыли на следующий день.

Она превратилась в сухонькую старушку, и это был так естественно, словно она всегда ей была.

Она надевала выцветшее пронафталиненное пальто с побитым молью воротником, толстый вязаный берет и шла гу-

лять. Ее по-прежнему не замечали, иногда куда-то торопящиеся люди задевали и толкали ее, и не извинившись, мчались дальше по своим делам. Она лишь кротко и застенчиво улыбалась.

А потом она приходила домой, доставала белую эмалированную кастрюльку в мелкий синий цветочек, наливала воду, бросала туда щепотку бадьяна, три ложки истертого в порошок корня лаванды, два ядра черного орешника, сушеную лапку лягушки, три капли полынного бальзама, скорлупу яиц окамия и листочки заунывника, перемешивала три раза по часовой стрелки и два раза против часовой стрелки, тихонько мурлыча себе нос незатейливый мотивчик.

И где-то далеко, расправляя могучие плечи, поднимались к небу Ураганы, голодными волнами обрушивались на города Цунами, завиваясь в тугой узел, пели страшные и страстные песни Торнадо...

А потом она выливали варево в банку, закрывала ее нарядной цветной крышкой и приклеивала ярлычок, на котором аккуратным круглым почерком было выведено «Катрина» или «Сэнди».

А остатки варева выливали коту, черному и прекрасному как ночь.

Кот слизывал капли урагана и забирался к ней на руки, блаженно мурлыча и выпуская длинные острые белые когти.

А она лишь тихо улыбалась, и морщинки тонкими лучиками разбегались по ее неприметному личику.

Неправильная сказка

Что-то было не так в избушке на курьих ножках. Вернее, все было не так. Единственное окошко, сиявшее чистой так, что в нем отражались лучи заходящего солнца, было украшено занавесочками из веселенького ситца, крыша покрыта красной добротной черепицей, а бревенчатые стены округлы и гладки. Стройные куриные ножки стояли ровненько и спокойно, а коготочки на них, покрытые нежно-розовым перламутровым лаком, имели весьма соблазнительный вид. Вместо высокого частокола с украшением из костей и черепов возвышалась живая зеленая изгородь. Да и сама избушка стояла к лесу задом, а к гостям передом, так что не было нужды драть глотку.

Иван-царевич спешил и с опаской, ожидая подвоха, приблизился к избушке. Он хотел стукнуть из всей своей богатырской мочи по куриной ножке, но отчего-то не решился, и потому лишь слегка дотронулся и неожиданно для самого себя погладил ее. Курья ножка дернулась, как от щекотки, отчего вся избушка покачнулась и заходила ходуном. Дверь, тихонько скрипнув, отворилась.

– Эй, старая хры... – Иван-царевич замер на полуслове.

На пороге избушки стояла девица, в зеленых глазах которой прыгали смешинки, а из-под платка выбивались огненные кудри. Никакого горба, бородавки на носу, уродливых

когтистых рук и клыка во рту не наблюдалось. Напротив, девица была стройна, белозуба и весьма недурственна.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.